

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

НА РУИНАХ
ПИРАМИД

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская

На руинах пирамид

«ЭКСМО»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Островская Е. Н.

На руинах пирамид / Е. Н. Островская — «Эксмо»,
2023 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-04-187892-4

Участковый Николай Францев – счастливый человек. У него прекрасная жена, чудесные дети и замечательный дом в элитном коттеджном поселке «Ингрия», где живут богатые и знаменитые люди. Но обитателей «Ингрии» кто-то жестоко убивает... За считанные дни расстались с жизнью два бизнесмена и один чиновник мэрии. Следствие связывает эти убийства с официальной деятельностью убитых, в которой, как выясняется, не все было чисто. Как и положено хорошему участковому, Францев общается с разными людьми, узнает немало интересного, и это может полностью перевернуть ход дела... Татьяна Устинова рекомендует: «Екатерина Островская не просто выдумывает и записывает детективные истории. Она обладает редкой способностью создавать на страницах своих книг целые миры – завораживающие, таинственные, манящие, но будто бы чуточку ненастоящие. И эта невсамделишность идет произведениям только на пользу... А еще все книги Островской нравятся мне потому, что всю полноту власти над собственными выдуманнами мирами Екатерина использует для восстановления справедливости наяву».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-187892-4

© Островская Е. Н., 2023

© Эксмо, 2023

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	9
Глава третья	14
Глава четвертая	17
Глава пятая	22
Глава шестая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Екатерина Островская

На руинах пирамид

© Островская Е., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Глава первая

Николай открыл глаза и увидел потолок; осторожно, чтобы не потревожить жену, повернул голову и посмотрел на окно, за которым было темно и тихо. Тихо было и в доме и, наверное, во всем мире. Зимний рассвет не спешил, звезды перемигивались молча, и в близком лесу ничего интересного не происходило.

– Ты не спишь? – шепотом поинтересовалась Лена.

– Нет, – ответил Францев, – думаю.

– Вот и я, – вздохнула жена, – боюсь заснуть. Все кажется, что закрою глаза, засну, потом проснусь и все – сказка закончилась: мы снова в нашей комнатке в малюсенькой квартире. Со стенами такими тоненькими, что слышно, как по ночам сосед дядя Вася ходит в туалет.

– Я тоже об этом думаю, – признался Николай, – не про соседа, конечно, а вообще, за что нам такое счастье? То есть я знаю, что это все Паша Кудеяров устроил. Марина ему дом решила подарить, а он в мою пользу отказался.

– Неудобно получается, – шепнула Лена и вздохнула, – у нас такие хоромы теперь, а он в Москве на служебной площади мается.

– Как-то надо с ним поделиться, что ли, – предложил Францев.

Он мог бы не говорить, потому что они много раз обсуждали это. Кудеяров сделал предложение внезапно, Николай сразу отказался, но друг настаивал – тем более что документы все были им подготовлены. Оставалось только подпись поставить, что Францев скрепя сердце сделал. Конечно, не совсем скрепя сердце, как раз наоборот – сердце разрывала нежданная радость. Но все равно было понятно и ясно как божий день, что таких подарков судьбы не бывает. И вообще за все в жизни надо платить, и потому Николай, пораскинув мозгами и посоветовавшись с женой, решил продать подаренный ему роскошный особняк, купить выставленный на продажу маленький простенький домик и переселиться туда. А разницу отдать Кудеярову. Лена с радостью поддержала эту идею, но потом, когда узнала, что в этом маленьком домике произошло то самое убийство девушки с собачками¹, наотрез отказалась, сказав, что ей и в городской квартирке неплохо живется, потому что не важно, где ты живешь: важно – с кем. А в тот домик въехал местный житель Дробышев, который выгодно продал свой дом, перебрался в тот маленький, а всю прибыль, полученную от реализации особняка, вложил в свой рухнувший внезапно бизнес. Так что Францевым пришлось остаться жить в кирпичном особняке.

И все-таки они избавились от своей городской квартирki, хотя расставание прошло со слезами на глазах. Плакала, конечно, одна Лена. Всю выручку Николай сразу хотел отдать Кудеярову, но тот отказался под предлогом, что Коле еще налог на дарение платить придется, а там небольшая сумма может получиться...

Далеко-далеко в тишине за еловым лесом простучал колесами поезд: можно даже не смотреть на часы – скорый Петрозаводск – Петербург: значит, сейчас 04.55. Можно было еще пару часов подремать, но спать не хотелось. Какое счастье просто лежать, потому что реальность лучше любого сна. Когда-то очень и очень давно в далеком и счастливом советском прошлом у Францевых на четверых была маленькая квартирка на окраине, две смежные комнатки: в одной обитали родители, а в другой Колька с младшим братом на одном диване, потому что второй уже не влезал в их комнатенку. И все равно всем хватало места и радости, потому что так жили все или почти все: кто-то, может, и лучше, например академики, известные артисты и работники продуктовых магазинов, но ведь кто-то и двух комнаток на четверых не имел. Не стало отца, потом в Чечне убили брата, мама, узнав об этом, умерла. Вскоре Николай привел

¹ Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Дама с чужими собачками».

в квартирку жену, у которой не хватало времени приготовить ужин, потому что она не отрываясь смотрела подряд все мексиканские сериалы. Правда, у нее нашлось время сначала приватизировать жилплощадь на себя и на мужа, а потом завести любовника и самой же подать на развод. Для нее это была жилплощадь, а для Коли единственное место на свете, где были знакомые с детства запахи и воспоминания об ушедшем счастье. На суде жена с гордостью заявила, что беременна от любимого мужчины, и предъявила справку – не о том, что мужчина был любимым, а о том, что она беременна. Николаю она выплатила компенсацию за его долю собственности в квартире, принадлежавшей когда-то его родителям. Компенсации едва хватило на девятиметровую комнатенку в коммуналке, то есть совсем не хватило – пришлось еще и кредит брать. Точного количества своих соседей Францев так и не узнал, но утренние очереди в туалет были бесконечно длинными. А потому, когда поступило предложение пойти участковым в маленький городок, Николай долго не раздумывал, потому что к новой должности полагалась служебная жилплощадь без соседей.

И вот теперь чем это кончилось... Вернее, не кончилось, а как раз наоборот, все только начинается. Теперь у Коли любящая молодая жена, двое детишек: мальчик и девочка, а скоро будет и третий. А еще есть огромный дом с тремя спальнями на втором этаже и кабинетом, который, если честно, Францеву не нужен вовсе. Зато в перспективе – у каждого ребенка будет по своей собственной отдельной комнате. Николай представлял все это и улыбался. Так и заснул с улыбкой на лице, не дождавшись утра.

Разбудила его жена. Лена поцеловала его и шепнула:

– Начало девятого. Завтрак на столе.

– Зачем ты вот так носишься с этажа на этаж, – пожалел жену Францев, – тебе же рожать через два месяца.

– А кто тебя кормить будет? – рассмеялась Лена и добавила: – Мне полезно много двигаться.

На завтрак был винегрет, потом ветчинные сосиски с картофельным пюре и зеленым горошком, поджаренные в тостере белые хлебцы с сыром и чай с лимоном. И когда все закончилось, как будто дождавшись этого момента, зазвонил мобильный.

– Подполковник Францев? – раздался незнакомый голос. – Вас беспокоят из городского следственного комитета. Вы будете через пару часов в коттеджном поселке «Ингрия»?

– Буду, я и сейчас там. А что случилось?

– Вчера был обнаружен труп некоего Дробышева. Знаете такого?

– Знаю. Обычный человек. Работящий. Бизнесмен, но руки у него из правильного места растут. То есть, как я теперь понимаю, росли. А как его убили?

– Ножом в собственной машине.

– У него была трехдверная «Нива», – продолжил Николай. – Значит, сзади убить не могли, только с правого пассажирского сиденья. В машине был кто-то, кого Эдик знал. А значит, это не заказуха, скорее всего поссорился с кем-то... Но вообще Дробышев был не из склочных. Может, по бизнесу что-то с кем-то поделил.

– Выводы пока делать рано, – произнес сотрудник следственного комитета. – Я бы хотел подъехать к вам и узнать, какие у него были отношения с соседями. С кем он общался близко, может, что-то кому-то рассказывал о своих проблемах, о поступающих в его адрес угрозах. Если вы заняты сегодня, то постарайтесь отложить все другие встречи.

– Подъезжайте, – сказал Николай, – сегодня я весь день буду в поселке. Приемные часы у меня только завтра.

– Но тогда и вы поговорите с людьми: всех ведь мне одному все равно не обойти. А вы лучше других знаете, к кому и как можно обратиться. Прямо сейчас и начните.

Глава вторая

Диденко шел вдоль дороги, склонившись от встречного ветра, швыряющего ему в лицо пригоршни снега. Немецкая овчарка, которую он вел на поводке, также жмурилась и прятала голову за ногу хозяина. Юрий Юрьевич уворачивался не только от снега: он увидел подъезжающую к нему полицейскую «Ниву» и, вероятно, хотел уклониться от встречи. Францев остановил машину и вышел.

– Доброе утро, – произнес Николай, – у вас найдется полчаса для беседы?

– Если хотите беседовать, то вызывайте повесткой. Но мне нечего вам сказать и желания беседовать тоже нет. Все уже обговорено и с вами и вашими коллегами. Вы обвинили невинного человека в особо опасном преступлении, которого она не совершала. Теперь моя жена по вашей милости четвертый месяц находится в вонючем следственном изоляторе. А у нее хронические заболевания, между прочим.

– Была бы невиновна, – возразил участковый, – ее бы там не держали.

– А были бы доказательства вины, ее посадили бы сразу. А сейчас неизвестно даже, когда суд. Мы с адвокатом прошение подаем, чтобы ей изменили меру пресечения... Она же очень страдает там. И все это из-за вас с вашим московским дружкой. С чего вдруг вам утверждать, что она кого-то убила?

Подобная наглость так поразила Францева, что он даже за голову схватился.

– Вы серьезно? Она же на меня с ножом бросилась. А потом на ней два только доказанных убийства.

– А вы в курсе, что там расследование проводилось с обвинительным уклоном? – перешел в наступление Диденко. – Наташа даже понятия не имела, что ее в чем-то подозревали.

– Потому что сбежала, сменила фамилию и имя.

– А про срок исковой давности вам что-нибудь известно? С момента того преступления, которое она даже не совершала, прошло больше пятнадцати лет, так что можете забыть о ее вине, которой и так не было. А то, что вы сейчас шьете ей, вообще ни в какие ворота. Подумать только: хрупкая женщина с хроническими заболеваниями и тонкой душевной организацией вдруг напала на полицейского во время исполнения им служебных обязанностей. Какие обязанности ночью в чужой квартире? Причем вы там были не один, а с молоденькой девушкой. Вам не стыдно? Женатый человек!

– А ваша жена с какого перепугу вломилась в чужую дверь и с ножом набросилась на меня?

– Никто на вас не набрасывался! Вы и сами это прекрасно знаете. Моя Наташа заявила еще при задержании, что она поднималась по лестнице и увидела, что дверь одной из квартир приоткрыта, а возле дверей лежит кинжал. Она подняла его и хотела положить внутрь квартиры, не успела даже за ручку двери взяться, как на нее набросились двое здоровенных мужчин: участковый Францев и второй, оказавшийся сотрудником Следственного комитета России, место работы которого в Москве. А что он делал в нашем городке глубокой ночью в квартире, которую снимает, то есть снимала, директор нашего Дома культуры?..

Николай решил не спорить, тем более Диденко специально завел этот разговор, чтобы не общаться по существу.

– И где теперь некая Нина Лосева, которая огульно обвинила мою жену в подготовке покушения на нее? – продолжил Юрий Юрьевич. – Где? Почему не является на допросы и очные ставки?

– Короче! – прервал его монолог участковый. – Все вопросы к следствию. А у меня другая тема. Можете не общаться со мной сейчас, но потом все равно придется явиться по повестке. Иначе привезут под конвоем, тогда еще и штраф заплатите. К тому же будущее вашей жены

меня мало волнует. Это суд определит, а у меня ряд вопросов лично к вам по поводу вашего нового соседа.

– Эдика? – удивился Юрий Юрьевич. – А он-то что натворил?

– Так вы собираетесь продолжить беседу?

Диденко pokrutil головой, оглядывая окрестности и раздумывая, потом поехал и согласился с неохотой:

– Ладно, но к вам сейчас не поеду, разумеется. Мне еще на работу надо успеть. Давайте, что ли, ко мне зайдем, а то на улице холодно что-то, вроде март сейчас, а продирает так, словно январь.

Францев и не собирался вести беседу, стоя возле своего автомобиля и прикрываясь от снега. Он открыл дверцу «Нивы», и собака тут же пробралась на заднее сиденье, а Диденко расположился на пассажирском, не предполагая, очевидно, что машина тронется с места.

А когда «Нива» поехала, pokrutil головой, глядя в окна.

– А мы куда это?

– К вам, Юрий Юрьевич. Вы человек занятой, времени у вас мало. Начнете на работу собираться, а я стану задавать вопросы.

– Так что же все-таки Дробышев натворил? – спросил Юрий Юрьевич.

Участковый промолчал.

– Если я отвечу на все ваши вопросы, это как-то поможет Наташе? – продолжил Диденко.

– Возможно.

«Нива» остановилась у ворот. Мужчины вышли, следом выскочил пес и потянул хозяина к калитке, понимая, что сейчас его будут кормить.

– Очень по Наташе скучает, – вздохнул Юрий Юрьевич, показав на собаку, и добавил: – Мы вместе с ним скучаем.

Николай понимал прекрасно, что Диденко говорит все это не просто так, и грусть у него наигранная. Скорее всего, Юрия Юрьевича разрывает от злости, от ненависти к нему – простому участковому, который задержал его жену и в протоколе указал, что Диденко Наталья набросилась на него с ножом и дважды пыталась ударить его, оставив на его шее царапину от уха до ключицы. А еще наверняка Юрия Юрьевича бесит тот факт, что мент-нишеброд теперь непонятно как стал обладателем особняка в элитном коттеджном поселке.

Они вошли в дом, и сразу хозяин не преминул уколоть незваного гостя:

– Не обращайтесь внимания, – вздохнул Диденко, – что в доме не прибрано: хозяйка – сами знаете где, а мне недосуг, да и желания особого нет. – И, увидев, как Францев снимает куртку, добавил: – Можете не раздеваться, грязи и без вас достаточно.

Это было уже грубо, но участковый стерпел. Да он и не ожидал другой встречи, а потому сразу приступил к делу.

– Мне известно, что у вас с Дробышевым были неприязненные отношения.

– Ничего подобного, – возразил Диденко, – мы не дружим – это правда, но здороваемся при встрече. Хотя, впрочем, он ко мне с претензиями пытался подъехать, мол, твоя жена Алечку убила. Кто ему такое наплел? Но потом, уже после того как он стал совсем уж близким соседом, пришел ко мне с бутылкой: мол, забудем прошлые обиды, кто старое помянет... А еще интересовался, когда суд будет. С таким злорадством спрашивал, как будто собирается туда прийти и потешаться.

– Понятно, – кивнул Францев, – машину ему вы ремонтировали?

– «Мерседес»? Не ремонтировал. Так он и не обращался ко мне никогда. Видимо, обслуживался на фирменной станции или как-то сам справлялся. – И наконец Юрий Юрьевич вспомнил: – Так он же продал свой «мерс». Теперь у него «Нива», а ее-то чего ремонтировать: разумеется, там любой дурак справится...

Диденко замолчал и вдруг до него дошло.

– Вы спросили, какие были с ним отношения... Были? То есть вы хотите сказать, что Эдика нет больше?

Николай кивнул.

– На машине разбился? – выдохнул Юрий Юрьевич.

– Почему вы так решили?

– Так вы интересовались, кто ему машину ремонтировал. Вот я и подумал.

– Не на машине. Его в городе убили. Там этим делом местные занимаются, а меня попросили опросить соседей и узнать, у кого с ним были неприязненные отношения.

– А почему вы меня об этом спрашиваете? – удивился Диденко. – С народом поговорите, с другими соседями. И потом, он же с какой-то девицей теперь живет.

– Жил, – поправил Францев.

– Разумеется, – согласился Диденко, – а как его убили?

– Ножом в сердце.

– Да вы что? – не поверил Юрий Юрьевич. И тут же встрепенулся: – Вам не кажется, что это уже само по себе о чем-то говорит? Мою Наташу сейчас судить будут за убийства, которые она, я уверен, не совершала, и вот подтверждение моей правоты. Только дурак может поверить, что Наташенька кого-то убивала ударом ножа в сердце.

– Это вы кому говорите! – вскипел участковый. – Я ее, как вам известно, лично брал, так она меня дважды ножом достать пыталась. В грудь меня саданула, если бы не книга в кармане, прямо в сердце попала бы, а потом еще в горло хотела.

– Да потому что вы на нее напали, и она защищалась... Темно было.

– Темно было в чужой квартире.

– А вам лишь бы посадить невинного человека. Вам же за мою Наташку миллион рублей премии выписали. Это все знают. А потом вы дом здесь купили. А здесь сами знаете какие цены. Вон Эдик Дробышев продал свой за тридцать миллионов... Не успел выставить на продажу, сразу нашелся покупатель... – Юрий Юрьевич замолчал и продолжил: – Так, может, его из-за денег убили?

– Там солидный покупатель, – покачал головой Францев, – у него серьезный бизнес: он семенами торгует.

– Семенами? – вскричал хозяин дома. – Мошеник, значит. Мы с Наташей как-то купили и помидоры, и огурцы... много чего разного, но ничего не выросло. Разве что какие-то сорняки, сурепка да тимофеевка – так Наташа сказала. Пришлось потом все вырывать и почву просеивать... Вы же знаете, моя Наташенька специалист по растениям. Она посмотрела на пакетики с семенами и сказала, что это предприятие Синицы, а значит, товар хороший, потому что его везде рекламируют. Надо будет в глаза этой Синице посмотреть.

– Вам это так важно сейчас, у кого вы купили эти семена?

– Да мне, разумеется, по большому счету по барабану, кто людей дурит. Мы в магазине купили эти пакеты, да там и цена копеечная. Это вы про семена вспомнили.

– Я? – удивился Николай. – Я вас спрашивал про Дробышева, были ли у него враги или недоброжелатели.

– Я вам и ответил, что не знаю. Стоило приходить. Спросили бы на дороге, и я сказал бы, разумеется.

Николай едва сдержался, но, с другой стороны, сам виноват: ведь знал, что Диденко откажется что-либо обсуждать с ним, считая участкового виновным в том, что его жену задержали. Но ведь ее взяли не просто так...

– Вот это поворот, – не мог успокоиться хозяин дома, – пока моя супруга парится в следственном изоляторе, настоящий убийца и не думал успокаивается... Черета загадочных убийств не закончилась. И будет продолжаться, разумеется, назло вам!

– А где вы были вчера вечером в районе двадцати – двадцати тридцати?

– Так я целый день дома находился, – не удивился вопросу Диденко. – Можете на КПП проверить, выезжал или нет. И записи с камер проверить. Из дома выбирался разве что к Вадиму Каткову: он просил меня сделать диагностику его автомобиля. А что касается Эдика, то поговорите с его нынешней девушкой. Он, как вы сами знаете, недавно за Алей покойной ухлестывал, но безрезультатно...

– В отличие от вас, – проявил свою осведомленность участковый, – а потом о вашей связи узнала Наташа, и вот...

– Какая еще связь! – возмутился Юрий Юрьевич. – Не было между нами ничего, и если вам кто-то что-то наболтал, то это, разумеется, самый настоящий бред. И вообще: Дробышева, по вашим словам, убили в другом районе, да и вообще не в нашем регионе, а значит, расследованием занимаются другие люди. Вы-то чего активность проявляете? Вы кто? Участковый? Вот и занимайтесь профилактикой правонарушений на своем участке. А то за год три убийства у вас.

– Два, – поправил Николай и поднялся. – И учтите: убийца задержана и очень скоро суд вынесет ей суровое, но очень справедливое наказание.

– Ну-ну, – усмехнулся хозяин дома, – а вот адвокат сказал, что доказательств у обвинения нет никаких, кроме слов – ваших и вашего дружка Кудеярова.

– Посмотрим, – ответил Францев, выходя в прихожую.

Он снял с вешалки куртку, надел, посмотрел на себя в зеркало и поразился спокойному выражению своего лица.

– А что, если Наташу оправдают? – продолжал злорадствовать за спиной Диденко. – Что тогда? Вы об этом подумали? Вам придется перед нами извиняться, но лично я в ваших извинениях не нуждаюсь. Вы оплатите нам все судебные расходы. И моральный ущерб, разумеется. Средств у вас хватит: вы теперь богатый человек.

Николай, не отвечая и не прощаясь, вышел на крыльцо. Смысла сюда приходить не было, это было ясно сразу, но он все же пришел. Для чего? Позлорадствовать или просто хотел узнать что-то? Прошло почти четыре месяца, как взяли Наталью Диденко, но следственные действия продолжают. Неужели она уйдет от ответственности? Был бы рядом Кудеяров, он бы разобрался во всем, навел бы порядок.

Николай шел через двор и чувствовал, как спину ему прожигает насмешливый и ненавидящий взгляд Диденко, очень хотелось обернуться и ответить ему хлестким и метким словом, но что сказать, Николай не знал, ничего умного в голову не лезло, а ругаться лишний раз и попустому не хотелось. И вообще зря он затеял этот разговор!

Николай вышел на дорогу и остановился возле своей «Нивы». Смысла обходить жителей поселка и расспрашивать всех подряд, у кого были неприязненные отношения с убитым Дробышевым, не было никакого: он и так хорошо знал все, что здесь творилось.

Больше года назад Дробышев развелся, когда узнал о романе своей жены с его же бизнес-партнером. Жена забрала себе фирму и городскую квартиру, а Эдуарду достались свобода и загородный дом. Кудеяров назвал это неэквивалентным обменом, но что имел в виду Павел, Францев тогда не понял. Но Дробышев, которому пришлось самому сидеть за баранкой «Газели», развозя заказанный в «Строймаркете» товар, на свою новую свободную жизнь не жаловался. А недавно он выгодно продал свой дом, приобрел другой, маленький, но уютный – тот самый, о котором когда-то мечтал сам Францев. Тут же Дробышев реанимировал свою транспортную компанию и вроде начал разворачиваться. И даже сошелся с какой-то молодой женщиной: ту Николай видел пару раз, когда она проезжала в машине Эдуарда, сидя на переднем пассажирском сиденье. Участковый особо не рассматривал ее, но на беглый взгляд женщина показалась ему уж очень молоденькой, особенно если учесть, что самому Дробышеву было сорок семь лет.

Навстречу ехал какой-то серый автомобиль, который остановился и поморгал фарами. Францев подъехал, остановил свою «Ниву», вышел. Из другого автомобиля выбрался мужчина лет сорока пяти, протянул руку и представился:

– Подполковник юстиции Егоров, городское управление следственного комитета. Это я вам утром звонил.

По борту не самой новой серой «Ауди» тянулась надпись «Следственный комитет».

Николай назвал себя и, показав на автомобиль Егорова, поинтересовался:

– А вам всем «Ауди» дают? А то недавно приезжал Кудеяров, так у него «Ауди Q7».

– Где он, а где мы, – вздохнул Егоров. – Павел Сергеевич в центральном аппарате, а мы тут, на земле нашей грешной.

Он даже не удивился, услышав, что местный участковый знаком с заместителем начальника одного из управлений следственного комитета. Вероятно, Егорова в этом плане просветили.

– Знаете, где дом Дробышева? – спросил подполковник юстиции.

Францев кивнул, но тут же предложил показать бывший дом Эдуарда Ивановича, который тот недавно продал за тридцать миллионов рублей.

– С ним рассчитались полностью?

– Сейчас и узнаем. Но мне кажется, что он получил деньги. Он, может быть, и казался кое-кому простачком, но на самом деле был далеко не дурак.

Глава третья

На территорию, где располагался бывший дом Эдуарда Дробышева, их попытались не пропустить. Здоровенный парень с безразличным лицом, глядя куда-то за спины Францева и Егорова, сказал, что здесь частная территория. Он сообщил это, как будто не заметив на плечах Николая погоны подполковника полиции. И даже когда сотрудник следственного комитета предъявил ему свое удостоверение, парень покачал головой и повторил:

– Здесь частная территория.

– Слушай сюда, – не выдержал Егоров, – я на работе, и если ты будешь мне препятствовать, я вызову специально обученных людей, и вопрос будет решен быстро.

– Я тоже на работе и не хочу ее терять.

– На работе? – переспросил Егоров. – Тогда ты попадаешь под третью часть двести девяносто четвертой статьи, а это до четырех лет лишения свободы плюс три года лишения права заниматься охранной деятельностью. Уяснил? Если ты телохранитель, то иди и охраняй тело, а не стой столбом у ворот. Ты должен оказывать помощь правоохранительным органам, а не препятствовать им.

Парень напрягся, вздохнул, но пропустил их. И пошел следом. Во дворе перед домом стоял светло-коричневый внедорожный «Бентли». Обходя его, Францев заглянул в окно автомобиля и сказал, что ничего не видно – стекло тонированное.

В доме шел ремонт, рабочие укладывали напольную плитку. Заказчик стоял посреди гостиной и внимательно рассматривал то, что получалось. Увидев вошедших, он не стал возмущаться, кинул на них быстрый взгляд и снова устался в пол.

– По какому вопросу? – спросил он.

– Гражданин Сеница, – обратился к нему Францев, – пара вопросов к вам и мы уходим. Первый вопрос: с бывшим владельцем дома вы рассчитались полностью?

– А в чем дело?

– Господин Дробышев вчера был обнаружен мертвым, – объяснил подполковник юстиции, – смерть, судя по всему, насильственного характера. Вот мы и пытаемся выяснить.

– Ну что же, попытайтесь, – усмехнулся хозяин дома, – только я-то тут при чем? Что касательно оплаты за дом, то она была проведена, иначе сделка не была бы зарегистрирована. А с бывшим владельцем дома... как его... я не знаком: сделка была оформлена через риелторскую контору, и деньги через них прошли. Я перевел на их счет тридцать пять миллионов, и мне через неделю принесли документы на право собственности.

– Тридцать пять миллионов? – удивился Николай. – А бывший хозяин получил всего тридцать.

– Тридцать пять лямов – еще немного для этого места, – снисходительно произнес владелец дома. – Когда у вас будет достаточно средств, сможете сами здесь что-нибудь приобрести.

– Подполковник Францев в этом же поселке проживает, – сказал Егоров.

Очевидно, и в этом плане его просветили перед встречей с участковым.

– Ну и как тут вам живется? – поинтересовался, не удивившись этому обстоятельству, Сеница.

– Мне нравится. Возвращаюсь домой, сажусь у камина, смотрю, как горят дрова...

– Рядом бутылочка хереса, – подхватил повеселевший внезапно Егоров, – сами понимаете...

– Какой еще херес! – возмутился новый владелец дома. – Хорошее вино хересом не назовут. Я предпочитаю итальянские вина: бароло, барбареско, бардолино, барбера...

– Понты все это, – не выдержал Францев, который все еще не пришел в себя после общения с Диденко, – не важно, какое вино, важно, с кем его пьешь, потому что в выпивке самое главное – это хорошая компания и приятный разговор.

Синица перестал смотреть себе под ноги и поднял глаза:

– В вашем доме какой пол?

– Плитка мраморная.

– А у меня, как вы можете убедиться, будет из оникса. И ходить по нему буду только я один, потому что живем мы все один раз и для души, а не для какой-то компании. Я этот домик купил для себя, чтобы приезжать сюда и отдыхать.

– А жена, дети? – удивился Николай.

Синица посмотрел на него внимательно и ничего не сказал.

– Аркадий Борисович, – обратился к нему подполковник юстиции, – а вы бы могли...

– Нет, – не дал договорить ему хозяин, – не могу и не хочу. Даже если бы знал что-то, вряд ли бы вам сообщил, но мне ничего не известно. И вообще, вы сказали, что пришли задать всего пару вопросов.

– Вопросов больше нет, – произнес подполковник юстиции Егоров.

Они не успели выйти, как за спиной прозвучал голос хозяина:

– Петя! Или как тебя там. Сегодня до конца дня ты со мной будешь. А с завтрашнего пусть другого присылают, не такого тупорылого. Ты уволен!

– Ого! – негромко удивился следователь. – Какие мы строгие, хотя если пол из оникса, то все понятно.

Они вышли во двор, Егоров еще раз посмотрел на особняк, потом глянул в глубь участка.

– А там что, сарай?

– Там не сарай, а шикарная баня из калиброванного бревна лиственницы. Убитый накануне Дробышев ее построил для себя. Внутри сауна и хамам, а еще купель из лиственницы размером два на два метра...

Егоров посмотрел на Николая:

– А как ты здесь дом отхватил?

– Устал всем объяснять. Это мне Кудяров устроил. В теперь уже моем доме проживала одна пара – бизнесмен и его жена, она же его бизнес-партнер и технический директор. И вот бизнесмен завел себе другую, и так сам завелся, что решил свою жену убить, чтобы не разводиться и ничего не делить, и жениться на новенькой. Павел Сергеевич это дело раскрыл². Спасенная им женщина получила в полное распоряжение раскрученный мебельный бизнес и в благодарность решила подарить своему спасителю, то есть Кудярову, этот дом. А Павел Сергеевич не такой, он ведь ни копейки... Ну, вы и сами, вероятно, хорошо знаете, какой он бессребреник...

– Да-да, – поспешил подтвердить Егоров, – у нас в следственном комитете все такие.

– Ну вот, – продолжил рассказ Николай, – долго наседали на него эта бизнесвумен, а он – ни в какую, она жмет еще больше, а он в отказ. И в один прекрасный момент говорит ей: «А вы подарите свой дом, коли он так вам не нужен, Коле Францеву, а то он с женой и детьми ютится в малюсенькой квартирке и от областного управления ему никакой поддержки и сочувствия». И она, к нашему общему удивлению, подписала все бумаги. И теперь мне налог на дарение платить, а там такая сумма может получиться, что материнского капитала не хватит.

– Повезло, – вздохнул Егоров.

– Еще как повезло, – согласился участковый.

– Ну и ветра у вас тут! – сменил тему разговора следователь. – Вроде март, а так задувает! Да еще и со снегом. Откуда вдруг?

² Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Двери в темное прошлое».

– Я позавчера проводил разъяснительную работу с одним гражданином, который проходил мимо местной школы в пьяном состоянии. От него разит, но он уверяет, что трезвый, а то, что качается, то это всего-навсего оттого, что изменилась земная ось – она наклонилась, и магнитные полюса сместились. Северный магнитный полюс вообще в нашу сторону попер, и теперь у нас климат будет меняться: был умеренно континентальный, а будет резко континентальный, то есть летом жара невыносимая, а зимой сорокаградусные морозы, как в Сибири. Вот такие образованные люди живут в нашем Ветрогорске.

– И что же ты ему сказал?

– Сказал, что даже если ось земли наклонилась, все равно надо ходить прямо, и выписал ему штраф пятьсот рублей, – признался Францев и, не делая паузы, предложил: – Проедем-ка сейчас к одной даме, которая в курсе всего, что происходит в поселке. Уж если она не в курсе чего, то это не знает никто. А вот после встречи с нею поговорим с сожительницей Дробышева.

– С кем будет встреча? С какой-то наблюдательной старушкой? – догадался Егоров.

– Наблюдательная не то слово, – с некоторой грустью в голосе согласился участковый, – а насчет старушки я бы поостерегся так ее называть: эта дамочка так ножи метает, любой спецназовец позавидует.

– Ножи-и! – удивился подполковник юстиции. – Так ведь Дробышева, из-за которого мы тут страдаем под ветром, тоже ножом прикололи. Так может, его с расстояния... Хотя он в машине сидел. Но с другой стороны... Он мог сесть на водительское кресло, повернулся, чтобы закрыть за собой дверцу, и тут ножичек и прилетел... А! Может такое быть?

– Может быть все, что угодно. Только даме этой с убитым Эдуардом делить было нечего. Они действительно были знакомы, но в этом поселке все и так в той или иной степени друг друга знают... Делить дамочке с Дробышевым нечего, к тому же у нее муж возглавляет солидный банк.

Они остановились возле служебной «Нивы» Францева, и Николай достал мобильный и набрал номер.

– Любовь Семеновна, у вас не найдется с полчаса на общение со мной и сотрудником следственного комитета?

– Что-то случилось? – переспросила Люба. – И с кем случилось? Потому что у меня и мужа все нормально. Только что с ним по телефону общалась.

– С Эдуардом Дробышевым большая неприятность. Мы хотели бы о нем поговорить.

– Но я ничего о Эдике сказать не могу. Мы же не были близко знакомы... Здоровались иногда, а так... Хотя подъезжайте – мне интересно, что же случилось, а то на улице непогода: лишний раз туда не сунешься и новостей не узнаешь. А в нашем поселковом чате пока все тихо.

Пока участковый разговаривал, подполковник юстиции что-то искал в своем телефоне.

Увидев, что Францев наблюдает за его действиями, объяснил:

– Вот ведь техника до чего дошла: не сходя с места все что угодно можно узнать и про кого угодно.

Глава четвертая

У ворот их встретил охранник и проводил к гостевому дому, стоящему в стороне, под высокими соснами. На первом этаже располагались большой бильярдный стол и барная стойка.

– Ого! – восхитился Егоров, увидев стол. – Двенадцатифутовый. Можно и в русскую пирамиду, и в снукер.

– Играете? – спросила хозяйка.

– По возможности шары гоняю.

– А мой муж любит в снукер, но редко ему удается: соперников здесь нет, – женщина посмотрела на Францева, – может, вы заходить будете?

– Да я все больше в пинг-понг, – смутился Николай.

Люба подвела их к стойке, сама взобралась на барный стульчик. Егоров сделал то же самое, а Николай остался стоять.

– Может, по рюмочке? – предложила хозяйка.

– Мы на службе, – вздохнул Егоров.

– Какая может быть рюмочка с утра? – поддержал его Францев. – Вот в обед пятьдесят капель для аппетита да еще под борщ – это возможно...

Хозяйка посмотрела на него внимательно и спросила:

– Так что случилось с Эдиком? Почему вдруг к нему такой интерес?

– Убили его вчера вечером, – объяснил Егоров.

Люба посмотрела за окно, вздохнула.

– Если честно, то я так и подумала, когда вы позвонили. А ко мне вы пришли, потому что некоторые считают, что я в курсе всего, что происходит в поселке. Но это не совсем так. Когда меня что-то интересует, я могу кое-что выяснить, а Эдик меня не интересовал вовсе. Он простачком казался, да, вероятно, таким и был: не глупый, но открытый, и у него все на лице было написано... Но вас ведь не это интересует, где и что у него написано... Зря, конечно, он в этот дом въехал, где уже произошло убийство. Тем более что Алечка ему нравилась, и это все знали. Дом – это ведь не просто место для проживания или точка на карте: в нем скапливается энергетика всего того, что происходит внутри. Если дом перенасыщен злобой, если в нем никогда не было любви и счастья...

Люба замолчала и вскинула брови.

– А ведь он с какой-то девушкой жил. Она жива?

– Жива, вероятно, – ответил Егоров, – но его не здесь, а в другом месте убили.

– Где?

– Да это не важно где. В городе. Когда вы его видели в последний раз?

– Станный вопрос. Я с ним вообще не встречалась специально, если вы имеете в виду, что у нас было какое-то близкое знакомство и регулярные встречи. Я вечером выхожу с Боней погулять, Боня – это моя собачка...

– Вольфшпиц, – объяснил Францев.

– Ходим вдоль дорожек с такими же, как и я, собачницами и собачниками, – продолжила Гуревич. – И другие люди встречаются. Эдик, например, давно, когда был женат на Ларочке, выгуливал ее чихуа-хуашку. А его новая девушка гуляет со своей собачкой, но без нас – игнорирует наше общество. Недавно, правда, я его тоже видела с собакой. Но он мимо прошел, сказал, что у него собака пугливая, всех боится, а когда социализируется, тогда вместе гулять будем.

– Ну вот! – неизвестно чему обрадовался подполковник юстиции. – Уже кое-что, а то говорите, что ничего о нем не знаете. Собака – это как-то характеризует человека. В смысле, наличие собаки.

– Но вам же нужна информация о его убийстве, – удивилась Люба.

– Нам нужна всякая информация о нем, – продолжал наседать следователь Егоров, – чтобы составить представление о его личности, о круге общения. О его характере, о бизнес-партнерах.

– У него были бизнес-партнеры – жена Ларочка и еще один приятель, так вот у того с женой Эдика возникли отношения, и они расстались.

– Кто с кем?

– Жена Эдика потребовала развода, и по ее же инициативе он вышел из состава учредителей компании. Компания была, конечно, так себе, но на домик в нашем поселке им с Ларочкой хватило. По разводу дом отошел Дробышеву, а доля в компании и квартира в городе – Ларочке. Недавно она мне звонила, интересовалась, как там у Эдика дела, не завел ли себе какую-нибудь. Они же развелись больше года назад. Разговаривали мы долго: я ей и про убийство Алички рассказала³, и как Эдик по ней убивался, и то, что он их бывший дом продал, а домик Али купил. Сказала и то, что Эдик вскоре привел в этот домик новую девушку.

– О подробностях убийства Черноудовой ей не рассказывали? – поинтересовался Францев. – Про то, что ее ножом...

Женщина сделала вид, что задумалась, и пожала плечами.

– Сейчас уже не помню.

Участковый посмотрел на следователя, и тот понял.

– Сказали и сказали, – обратился тот к Любе, – что в этом такого: это же не тайна – все знали.

– Может, и сказала, но Ларочку это как-то не взволновало, она что-то о новом супруге говорила. Типа того, что молодой муж – это как новый автомобиль. Старый хоть и тарыхтит много, но тянет, а нового того и гляди угонят.

– То есть она уже жалеет о том, что развелась? – почти радуясь чему-то, спросил Егоров.

– Похоже на то. Она еще сказала, что Геннадий патологически жадным оказался. Эдик вообще не интересовался тем, на что она тратит свои деньги, а этот требует отчета. И прибыль их фирмы резко упала. Когда я сказала, что Эдик продал дом и новую фирму открыл, Ларочка засмеялась и сказала, что у ее Гены были виды на их особнячок, а теперь он пролетает, как лист фанеры над Парижем. Но как-то с грустью она рассмеялась.

– А она сама не имела ли желания получить дом?

– Не знаю, но у них раздел имущества по суду произошел. А вообще у нас живут разные люди. Кто-то купил здесь участок с домом и даже не заметил этой траты, а некоторые, как Дробышевы, все деньги в него вложили.

Люба внимательно посмотрела на участкового, очевидно, пытаясь понять, как он здесь оказался. В историю о том, что свой особняк Францеву подарила Марина Лужина, она явно не верила.

– Разные люди тут живут, – согласился Николай, – недавно еще один появился... Дом Дробышева купил и пол внутри меняет – ему, видите ли, требуется только из оникса.

– Красиво жить не запретишь, – согласилась Гуревич, – а насчет того, что он пол меняет, – в нынешние времена звучит очень двусмысленно.

– Будем надеяться, что он не из таких, – с серьезным лицом отреагировал Францев.

– Я тут пробил этого Синицу по нашим каналам: так за ним никакого вроде криминала, – сообщил подполковник юстиции Егоров.

– Синица, – насторожилась Люба, – уж не Аркаша ли?

– Аркадий Борисович, – подтвердил Егоров. И удивился: – А вы давно знакомы?

³ Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Дама с чужими собачками».

– Да не знакома я с ним! – уверенно заявила женщина. – В смысле, близкого знакомства не было: просто видела его неоднократно. Я же в давние времена работала в популярном ночном клубе, через который многие прошли: кто-то разок-другой, а кто-то зависал у нас постоянно – чуть ли не каждый вечер. Таких мы знали всех. Был такой Журавлев: бандит не бандит, но внешность у него была яркая, крупный, накачанный, на шее золотые цепи разного калибра. Всегда приходил с большой компанией, так вот этот Аркаша сидел у него на хвосте постоянно. Журавлев кордебалетных девочек снимал, возил их куда-то, пытался и ко мне клеиться, но я была прикрыта серьезными людьми. А вообще девчонки говорили, что Журавлев извращенец, у них даже поговорка была, что лучше Синица в руку, чем Журавлев на голову. Но потом наш клуб взорвали, если кто не знает, но Журавлева грохнули еще раньше. И с тех пор я Аркашу не видела ни разу.

– Он к нам перебрался. Купил у Дробышева его дом, а Эдик в строение Алевтины перебрался.

– Про это я знаю, но что Синица здесь, первый раз слышу.

– Он опасен?

– Нет, – покачала головой Люба, – он всегда был шестеркой. Но сейчас времена уже не те: сейчас любой – будь он шестерка или туз – может на нары загреметь или без штанов остаться... А Аркаша был шестеркой. Его даже называли Какаду – видимо, за большой нос... Да! – вспомнила вдруг женщина. – Мне кто-то из бывших знакомых сказал в свое время, что Аркаша начал БАДами заниматься и круто поднялся на этой теме.

– Какими БАДами? – удивился Францев. – Биологическими добавками?

– Пустышки все это, только по телевизору тогда шла постоянная реклама: «Я, мол, за полгода сбросила девяносто килограммов, и теперь моей фигуре завидуют все модели». А еще говорили, что на продаже этих добавок можно заработать миллионы. А когда в стране не было ни работы, ни заработков, все бросились становиться миллионерами. Назанимали денег, набрали у каких-то дистрибьюторов и супервайзеров коробок с БАДами и кинулись распространять. А кто их брать будет, когда этими коробками у всех шкафы забиты? А за всем этим стоял будто бы Синица. Не он один, конечно, над ним тоже люди были, но перепало ему, вероятно, немало.

– Там тоже пирамида была, – подтвердил Егоров. – Сначала крупный оптовик покупал, сколько мог потянуть, и раскидывал партии мелким оптовикам, а те загоняли товар распространителям – чаще всего давали в кредит. Очень часто люди не могли реализовать, пытались вернуть товар, а там уже такая сумма набежала, что мама не горюй! Приходили бандиты и выбивали долги: забирали машины, квартиры...

– Помню, – кивнул Францев, – я тогда оперативником был. Всякие тогда бывали пирамиды. Берем мы преступника: на нем печатей ставить негде – столько судимостей, и задерживаем мы его после долгой работы при подготовке им очередного преступления. А потом суд его отпускает под подписку. Я начальнику говорю, что, мол, такое? А он мне в ответ: так, значит, надо. А кому надо? Я к начальству по этому поводу... Раз, другой... Ну ладно, не буду подробности. И вот на обыске у одного барыги куртку снял и на вешалку повесил, потому что жарко было в квартире. А потом руководитель оперативно-следственной группы подзывает меня: «Майор Францев, покажите ваши карманы!» Я с чистой совестью вывернул, а у меня там пачка пятитысячных – и все это на глазах понятых... Естественно, меня вызвали на следующий день к начальству и приказали писать заявление о переводе, мол, не справляюсь с тяжелыми условиями службы. Хотели вообще выгнать, но, видать, пожалели: у меня за все годы ни одного взыскания, только благодарности. Звание майора сохранили – и на том спасибо. Предложили пойти служить участковым в любой район, потому что их всегда не хватает. Согласился, с условием, что будет предоставлена служебная жилплощадь. Такая нашлась как раз в Ветрогорске, вот с той поры я здесь.

– А кто тебя подставил, кто деньги в карман подкинул – с ним что? – поинтересовался Егоров.

– Подполковник Рюхин. Он через полгода ушел из управления по борьбе с бандитизмом. Был начальником подотдела, и его подчиненные почему-то героически брали шелупонь всякую, а лидеры преступных сообществ даже не скрывались, в открытую жили, по клубам тусовались. А Рюхин стал соучредителем торгово-развлекательного комплекса и по совместительству заведовал там безопасностью. Потом, по слухам, свалил в Хорватию и теперь владеет там небольшим отелем на побережье. А я по ночам офисы охранял, чтобы было на что личный автомобиль заправить...

– Может, не надо воспоминаний? – остановил Николая подполковник юстиции. – Все сотрудники органов на своих участках выполняли свою работу с честью.

– Наш клуб менты тоже посещали, – вспомнила Люба, – но мы их всех в лицо знали, да они и не скрывались. И даже предупреждали руководство, если готовилась какая-то акция по задержанию наркодилеров. Был как-то случай...

– Давайте вернемся к нашей теме, – не дал ей договорить Егоров. – О чем мы беседовали? Сбили вы меня с мысли.

– Говорили о бывшей жене Дробышева и ее новом муже, – подсказал участковый.

Следователь кивнул, пытаясь вспомнить, на чем прервался разговор.

– Итак, – наконец произнес он, – сами-то как считаете, могут ли быть причастны к убийству гражданина Дробышева его бывшая жена и ее новый муж?

– С чего вы так решили? – удивилась Люба. – Это вы там делаете выводы, а я только рассказала, что знала. Я же говорю, что с Эдиком близкого знакомства не водила и, что там у него с кем было, мне неизвестно. А Ларочка не способна ни в коем случае: она симпатичная молодая женщина – сама себе на уме... На убийство она вряд ли пошла бы.

Подполковник юстиции посмотрел зачем-то на Францева, словно ожидая от него под- сказки, а потом поднялся.

– Ну и на том спасибо, – вздохнул он, – надеюсь, ваши показания помогут расследованию.

Они вышли из дома, потом прошли к воротам. Егоров обернулся и оглядел территорию.

– Живут же люди!

Эту фразу он произнес тоном праведника, которого попросили высказаться о грешниках. И наверняка относилось это и к участковому, которому привалило счастье обосноваться в этом поселке. Подойдя в своей «Ауди», Егоров открыл дверцу, наклонился внутрь и достал пачку сигарет.

– Покурим? – предложил он участковому.

– Бросил, – ответил Николай.

– Завидую твоей силе воли.

– А чего завидовать: у меня в тесной квартирке двое маленьких детей. Я выходил на площадку, а все равно в дом дым задувало. Вот и бросил.

– Ну да, – согласился Егоров, – дети – это хороший стимул. У Дробышева, насколько я помню, детей не было, а ведь лет ему...

– Сорок семь, – подсказал Францев и продолжил: – Прости, подполковник, но какое-то странное расследование у тебя. Ты приехал сюда один, пытаешься собирать какие-то слухи, а не факты. Не договорился даже о встрече с девушкой Дробышева. Мы сегодня встретились почти возле их дома, но ты даже не взглянул в ту сторону.

– А я знал, где он? – удивился Егоров. – Я по навигатору шел, а потом вижу, что навстречу служебная «Нива» катит. Я тебя тормознул, а потом уже ты сам проявил активность.

– Я же еще и виноват оказался, – возмутился Николай, – что мы столько времени впустую потеряли. Сейчас-то что будем делать?

Подполковник юстиции затянулся сигаретой и промолчал.

– Если честно, – продолжил Францев, – зачем ты вообще приехал? Этим опросом и поиском свидетелей, насколько я понимаю, могли заняться ребята из местного отдела. Отправили бы кого-нибудь с практикантом и раскрутили бы здесь все на раз-два.

– Боря Пономарев, кстати начальник вашего районного комитета, – мой старый знакомый, и мы вместе с ним двадцать лет назад проходили практику у Евдокимова, – вспомнил подполковник юстиции и, поскольку участковый никак не отреагировал, объяснил: – Евдокимов – это нынешний начальник городского управления. Ходят слухи, что его в Москву переводят на повышение, ну и здесь движуха начнется. Поговаривают, что вернется Кудеяров теперь уже замом начальника городского управления. Потом уж его начальником сделают – уж как пить дать. Это, конечно, все слухи, но дыма без огня не бывает, как ты и сам понимаешь.

– Человек заслужил, – спокойно оценил информацию Францев.

Следователь отбросил в сторону окурок, посмотрел на небо.

– Вроде просветлело. Я прогноз на сегодня смотрел, там никакого снега вообще не предвиделось, наоборот, потепление предсказывали. А на твой вопрос отвечу. Я здесь не просто так. Я вообще после дежурства. Накануне вечером в город прибыл Кудеяров, зашел в помещение дежурного по городу, попросил свежие сводки, а там как раз информация по убийству Дробышева пришла. И Павел Сергеевич попросил меня съездить сюда и разузнать что-нибудь. А сам он обещал после обеда подскочить, потому что с утра он проводит совещание с начальниками районных комитетов.

– Что ж ты сразу не сказал? – удивился Николай. – Это же совсем другое дело: если бы я знал, что тебя Паша прислал, то и я бы по-другому действовал, а то ведем какие-то пустые разговоры.

– Почему же пустые? – обиделся следователь. – Кое-что мы все-таки узнали.

Францев посмотрел на часы.

– Обед заканчивается, следовательно, Кудеяров скоро подъедет. Странно только, что он меня не предупредил.

– Да-да, – засуетился Егоров, – его надо обязательно встретить хоть с каким-то результатом, а потом уж можно поговорить и о деле, и вообще...

Николай не стал переспрашивать, потому что понял, что подполковник юстиции после суточного дежурства и бессонной ночи не просто так вызвался помочь московскому начальству: скорее всего, он хочет выслужиться, ведь скоро начнутся перестановки в руководстве городского управления, тогда можно будет рассчитывать на какое-нибудь повышение.

– Сейчас едем к избраннице Дробышева, – предложил следователь. – Возможно, она что-то знает. Я даже не сомневаюсь в этом, у меня профессиональное чутье, – продолжал подполковник юстиции и достал свой телефон, собираясь снова включить навигатор.

– За мной поезжай! – посоветовал Николай.

Глава пятая

Калитка была не заперта, и все равно Францев нажал кнопку звонка. Потом еще и еще, пока наконец из переговорного устройства не отозвался усталый женский голос:

– Кто еще?

– Полиция, – ответил участковый, потом обернулся на спутника и добавил: – Со следственным комитетом.

Вдвоем вошли на территорию, и Николай почти сразу остановился:

– А как ее зовут? А то неудобно как-то спрашивать.

Егоров пожал плечами и произнес:

– Да какая разница? Мне наши сотрудники, которые работают по этому преступлению, уже отзвонились и сообщили, что прослеживается четкий коммерческий след. Не в том смысле, что это заказное убийство, хотя наверняка это так, а в том, что оно связано с бизнесом Дробышева. Фирма его существует полтора года и едва-едва в плюсы выходила. А за последнее время месячный оборот компании вдруг стал превышать семьдесят миллионов рублей. И это только то, что было декларировано. Он ведь занимался грузовыми перевозками, а значит, расчет по большей части был наличными, то есть мимо кассы и налогового контроля. Сейчас проверяют возможных конкурентов, соучредителей.

– А ты думаешь, что сейчас время говорить с ней о бизнесе?

– А когда еще? – удивился Егоров. – К тому же она у него в фирме работала. Так мы сейчас на этот предмет и поговорим.

На крыльцо вышла молодая женщина в наброшенном на плечи пуховике. Она молча дождалась, когда мужчины поднимутся на крыльцо, пропустила их в дом и вошла следом, все также не говоря ни слова.

– Вам уже сообщили? – поинтересовался Егоров.

Женщина кивнула.

Следователь вздохнул и произнес:

– Наши соболезнования.

– Где мы можем поговорить? – поинтересовался Николай, снимая куртку.

– Проходите, – сказала женщина. Сняла пуховик, повесила его на крючок вешалки и пошла в комнату. На хозяйке был черный шелковый халатик с надписью на спине. Буквы были сделаны из серебристых блесток. Ее пуховик висел на вешалке рядом со светло-палевой норковой шубкой.

Егоров быстренько сбросил на руки Францеву свое пальто и поспешил за ней.

– Вас не вызвали на опознание? – спросил он. – Всякое случается: вдруг это не Дробышев, и вот уже какая-то надежда.

– Сначала позвали, а потом перезвонили и сказали, что надобности нет, потому что бывшая жена уже подтвердила, что это Эдик. Вряд ли она ошиблась: все-таки двенадцать лет вместе прожили. А я тоже надеялась, что это не он. А теперь и надежд никаких.

– Ну не скажите, – продолжая стоять, начал рассказывать следователь. – Лет пятнадцать назад в столице был случай: взорвали одного олигарха, который бюджетные средства... как бы сказать помягче... транжирил. Вызвали в морг жену: она и мужа опознала, и водителя – по татуировке на животе. Наследство получила: правда не все, там сразу кредиторы набежали. Но все-таки наследство огромное по нашим меркам. А потом выяснилось, что он на острове Капри проживает. Рядом с дачей писателя Горького поселился. Он дайвингом занимался. А потом так и не всплыл, говорят, под расщелину затащило. А жена...

– Бывшая жена Эдуарда сама мне позвонила, – оборвала его на самом интересном женщина, – Лариса рассказала мне, что произошло и что ее вызывали на опознание. И только потом из полиции сообщили о его убийстве.

– Какие у них были отношения? – продолжил опрос Егоров, усаживаясь за стол. – Я имею в виду Эдуарда Ивановича и его бывшую.

Хозяйка подвинула к себе стул, опустилась на него и ответила:

– Нормальные. Они же все разделили: ей квартиру в городе и бизнес, а Эдуарду загородный дом остался. Все по-честному: здесь место престижное и дорогое. Эдик сразу думал продать тот дом и найти где-нибудь поблизости что-то попроще. А потом взял этот самый домик.

– Вы знаете, кто здесь жил прежде? – спросил Францев, выбирая место, где можно было бы присесть, потому что возле стола свободных мест уже не было. И отошел к диванчику, который стоял за спиной следователя.

Сожительница Дробышева кивнула.

– Как вы познакомились? – встрял подполковник юстиции.

– Я пришла к нему на работу устраиваться. Ему требовался диспетчер, но он мне отказал. Я вышла из офиса, который тогда в строительной бытовке был. Стою и плачу. Снег заметает. Холодно, я вся дрожу и не знаю, куда мне идти. Эдуард вышел и увидел меня. Начал успокаивать, спросил, почему вдруг такая реакция на отказ. Ведь я вижу, какой у него сарайчик, а не офис, и денег он много не сможет платить. Объяснила, что мне идти некуда, нет ни работы, ни жилья – хозяйка, которая сдавала мне комнатку, выгнала, забрала все ценное, что у меня было: мобильный телефон, сережки золотые, что мне от мамы достались. Дробышев затащил меня обратно в вагончик, посадил возле обогревателя, хотел кофе налить, но тот у него закончился. Но он все же объяснил, что отказал мне, потому что я вроде того что очень понравилась ему, и ходить на работу и каждый раз страдать оттого, что у меня своя жизнь будет, а у него своя, он не захотел, потому что ко всем неприятностям, которые у него случились в последнее время, несчастная любовь была бы уже чересчур.

Девушка замолчала.

– А дальше что? – поторопил ее Егоров. – Как вы сошлись?

– Простите, мы не представились, – произнес Николай, которому нетерпеливость следователя показалась излишней, – я – местный участковый подполковник полиции Францев...

– Я знаю, кто вы.

– А я подполковник юстиции Егоров. Можно просто Борис Ильич. Продолжим: как дальше развивались ваши отношения?

– Когда я согрелась немного, Эдуард мне предложил пойти куда-нибудь чайку попить. Я хотела сразу отказаться. Кажется, даже заявила, что это двусмысленное предложение. Эдик сказал, что от чашки чая еще никто не залетал, и я согласилась. Он привел меня в какой-то ресторанчик, и мы сидели целый вечер, говорили, я пила шампанское, а он был за рулем... Потом повез меня на съемную квартиру, чтобы заплатить мой долг, договориться с хозяйкой, но та даже разговаривать не стала, выбросила мои вещи... Эдуард собрал их и сказал, что не надо унижаться... Он отвез меня в свой дом... В тот еще, который потом продал... Я там дня три всего и была. То есть ночевала только. На работу мы ездили вместе, потом возвращались вместе...

– А можно посмотреть ваш паспорт? – попросил Николай. – Потому что вы, как самый близкий ему человек...

Но девушка как будто не услышала его просьбы.

– Эдуард почти сразу признался мне в любви, – продолжила она. – Я даже испугалась такой внезапности, не потому, что он мне не понравился, но все-таки он мой начальник. К служебным романам я и сама отношусь с предубеждением... Я никогда бы не смогла ради должности или карьеры.

– Паспорт принесите, – повторил свою просьбу Францев.

Женщина поднялась и направилась к лестнице, ведущей на второй этаж. Егоров смотрел ей вслеп, а когда та скрылась из виду, обернулся и шепнул Николаю:

– Особой печали я на ее лице не вижу. А обратил внимание на халатик? Это же «Виктория секрет».

– И что с того?

– Немалых денег стоит.

– Дробышев в последнее время зарабатывал хорошие деньги, – напомнил Николай, – ты же сам говорил.

Егоров оглядел пространство гостиной.

– Не шикарно, но со вкусом, – оценил он. – Барная стойка классная, диванчики стильные.

– И то и другое бывшей хозяйке подарили соседи.

– А где теперь бывшая хозяйка?

– А убили ее в прошлом октябре. Кстати, соседка и убила, вон домик ее за окошком – можешь взглянуть. Сейчас убийца в СИЗО, следки крутят на предмет неопровержимых доказательств.

– Не та ли романтическая особа, что старинными стилетами закалывала?⁴

– Она самая.

По лестнице спустилась хозяйка. Теперь на ней было тонкое шерстяное платье. Она положила паспорт на стол перед Францевым.

– Вот, как вы просили.

Но паспорт взял следователь, вероятно для того, чтобы показать, кто в их тандеме главный.

Он открыл документ и прочитал:

– Елизавета Петровна Романова. Год рождения... О... – удивился он, – вам уже тридцать восемь!

– А что в этом такого?

– Ничего, но я бы больше двадцати пяти не дал. И вообще... Елизавета Петровна...

Прямо как императрица.

Следователь посмотрел на Николая, но того интересовало другое.

– Елизавета Петровна, а у вас родственников в полиции нет?

Девушка пожала плечами.

– Нет вроде. А почему вас это интересует?

– Я почему спрашиваю, – начал объяснять Францев, – просто на Васильевском есть двое участков по фамилии Романов. И оба Николаи. Того, что помоложе, все зовут Николаем Вторым.

– А другого Николаем Первым, – догадался Егоров.

– Нет, того, что постарше, называют Фонвизиним, потому что он в протоколе осмотра убитой женщины написал: «Волосы черные, глаза черные, жгучие – одного нет». Потом этот протокол начальник РУВД полковник Жаворонков повесил на доску объявлений, где приказы вывешиваются. Он обвел фразу про глаза красным фломастером и поставил визу тем же фломастером: «Умри, Денис, ты лучше не напишешь!»

– А Фонвизин-то здесь при чем? – не понял следователь.

– Так это Екатерина Вторая так сказала, когда в первый раз увидела постановку пьесы Фонвизина «Недоросль». Фонвизина звали Денис Иванович.

– Ну да, – согласился Францев.

Егоров потряс головой.

⁴ Читайте об этом в романе Екатерины Островской «Дама с чужими собачками».

– Что-то вы меня оба с мысли сбили... Что-то я хотел спросить.

– С бизнесом у Дробышева все было в порядке? – поинтересовался Николай. – Проблем не имелось?

– Нет. Все было очень хорошо. Он ведь, когда тот дом продал, сразу взял два десятка «Газелей». Водителей, ищущих работу, полно, а грузчиков еще больше. И нам сразу повалило. Я не успевала заказы принимать... Не отойти было. Хотели сейчас мне помощницу брать... Но видите, как все получилось.

– Много Дробышев вам платил?

Елизавета отвернулась в сторону, поджала губы, но потом все-таки ответила:

– Он... то есть бухгалтерия на карту мне переводила заработок. А так Дробышев всегда говорил: «Если нужны деньги, то знаешь, где их взять. В нашей спальне в тумбочке».

– В нашей? – удивился Егоров.

– Так мы жениться хотели. Заявление подали, в конце мая должна была состояться свадьба...

– Мои соболезнования еще раз, – произнес Николай.

– Тумбочку не проверяли? – поторопился узнать подполковник юстиции. – Все ли деньги на месте?

Девушка кивнула.

– А собачка ваша где? – поинтересовался Францев.

– В спальне на коврик возле постели. Она всю ночь скулила. Я не понимала, почему... А потом и у меня предчувствие было...

– Породистая? – спросил Егоров. – А то у меня... то есть у жены чау-чау, но выгуливать почти всегда приходится мне. Не успеваю шерсть с брюк снимать.

– Наша Лушка – помесь, – стала рассказывать Елизавета, – внешне как маленький ретривер, но только не такая лохматая, и хвостик бубликом. Мы с Эдиком ее подобрали. С работы возвращались и в промзоне увидели, как какой-то мужчина дразнит собаку: рычит на нее, даже лает, замахивается, будто бы хочет ударить. А собачка бедная в угол забилась, скулит от страха и не понимает, за что ее так. Эдик выскочил и закричал на мужика. Я думала, что сейчас драка начнется... А мужик тот крупный и вроде как пьяный. Тогда и я тоже туда побежала. А собачка эта, увидев подмогу в нашем лице, набросилась на мужика и вцепилась в него. Мы вдвоем с Эдиком еле-еле ее оторвали, поскорее в машину затащили и быстро умчались. Пока ехали, она мне все лицо облизала... Эдуарда тоже... У нас еще пакет с сосисками был... По дороге скормили ей все. Она, тощая, голодная, без ошейника... А в того мужика она здорово вцепилась...

– Ну, она маленькая, как вы говорите, вряд ли какой-то вред могла причинить, – попытался закрыть тему сотрудник следственного комитета.

– Она вцепилась куда надо, – усмехнулась девушка, – тот мужик визжал от боли и страха. Основательно вцепилась: мы с трудом оторвали...

– Давайте все-таки ближе к делу, – не выдержал подполковник юстиции.

– Давно это было? – спросил Францев. – История с вашей Лушкой?

– Месяца три назад или около того. Мы ее на следующий день в ветеринарку на осмотр свозили, сделали собачий паспорт... Можно посмотреть дату... – Лиза замолчала и вдруг поняла: – Это вы о том, что тот мужик мог отомстить? Ну да, он кричал, что номер наш запомнил и найдет нас и отомстит. Он, видимо, посчитал, что это наша собака.

– У Дробышева ведь была собачка чихуа-хуа, если не ошибаюсь, – вспомнил Николай, – досталась от предыдущей хозяйки дома. Где та собачка?

– Забрала сестра бывшей хозяйки. Эдик не хотел отдавать, но ведь он не владелец...

Подполковник юстиции посмотрел на участкового и произнес, еле сдерживая раздражение:

– Выйдем на пару минут, перекурим.

Они вышли на крыльцо, и Николай сразу предупредил:

– Если что, я некурящий.

– Я помню, – кивнул Егоров, – просто хочу предупредить, чтобы ты впредь не мешал расследованию. Я понимаю, что, говоря о собачках, хочешь в доверие дамочке втереться с надеждой, что она размякнет и выложит все, что знает. Но у меня другие методы – надежные, эффективные и неоднократно проверенные. И потом ты кто? Ты у нас – участковый, значит, ты обязан помогать, а не мешать мне. Так что сиди тихо, и это будет самая лучшая помощь с твоей стороны.

– Понял, – кивнул Николай, – ты – начальник, а я тихо курю в сторонке.

– Типа того, – согласился подполковник юстиции.

Они вернулись в дом, следователь опустил на свое место, а Францев расположился на высоком одноногом стульчике возле барной стойки.

– А теперь попрошу отвечать со всей откровенностью, – обратился к хозяйке Егоров, – это в ваших интересах, Елизавета Петровна. От вашей откровенности многое будет зависеть, в том числе и ваше будущее.

– Какое будущее? – не поняла Романова. – Эдика уже нет, а без него...

– Я не о том. Скажите, вам знаком некий Сорокин Александр Иванович?

– Это наш сотрудник. Он водитель.

– Разве? А у меня он значится как соучредитель фирмы, принадлежащей вашему сожителю Дробышеву.

Хозяйка помолчала, посмотрела на Францева, ожидая поддержки, но участковый отвернулся, и тогда девушка согласилась:

– Соучредитель. Он давно... то есть уже года полтора работает с Дробышевым... В самые тяжелые времена, когда у Эдика было очень туго с деньгами, Саша помогал почти задаром, и Эдик предложил ему долю. А «Газель» Сорокина оформили как вклад в уставной капитал предприятия. Причем Саша сделал это втайне от жены, которая была категорически против: она считала, что все пытаются ее мужа обмануть, что он вроде как лох. А он...

– То есть, – не дал ей договорить следователь, – в случае смерти основного партнера именно Сорокин является выгодополучателем, потому что теперь сможет претендовать на большую долю. Вы его хорошо знаете?

– Знаю, но он не будет ни на что претендовать! Саша очень простой и бесхитростный человек. Он очень добрый...

– Сорокин контужен на второй чеченской, – не выдержал Францев, – имеет награды, добрейший человек.

– Подполковник! – резко ответил следователь. – Мы, кажется, обо всем договорились.

– Молчу, – со вздохом сказал Францев и стал рассматривать барную стойку.

Следователь задавал вопросы, сожительница Дробышева отвечала на них. Николай слушал, не встречая. Так прошло не более получаса, когда зазвонил мобильный в кармане его куртки. Но куртка осталась в прихожей, пришлось спешить туда.

Францев схватил телефон и почти сразу вскрикнул, отвечая на вопрос:

– О-о! Так мы в домике, где прежде Черноудова жила, – потом, убирая телефон в карман, крикнул из прихожей следователю:

– Подполковник юстиции Кудеяров будет здесь минут через пять.

– Павел Сергеевич теперь полковник, – напомнил Егоров, – и у нас есть чем его встретить.

Он поднялся и подошел к висящему в прихожей зеркалу, посмотрел на свое отражение, ладонью пригладил волосы, поправил прическу и произнес:

– Но у нас уже есть результат, так что не зря поработали сегодня... – Подполковник юстиции выглянул в окошко и восхитился тем, что открылось его взору: – А солнышко уже пригрело крышу – вон как сверху закапало! Вот теперь даже дураку видно, что весна наступила.

Последняя фраза не понравилась ему самому, и он попытался как-то сгладить не очень удачное высказывание и продолжил:

– Март и снегом сеет, и солнцем греет. Так мой дед говорил. А еще он говорил: пришел марток, надевай двое порток.

Сработал сигнал переговорного устройства. Первым к нему подоспел следователь. Он нажал кнопку и бодрым голосом возвестил:

– Открываю, Павел Сергеевич, это подполковник Егоров, мы тут ждем вас.

Потом он вышел на крыльцо, а хозяйка посмотрела на Францева и негромко спросила:

– Кудеяров – тот самый, который убийство Али раскрыл?

Николай кивнул.

– Эдик говорил, что он очень опытный. Кто же знал, что именно этот человек приедет сюда, чтобы и его убийство расследовать?

Николай хотел сказать, что это не совсем так, но промолчал. В дом вошел Павел, и Францев поспешил его встретить. Они обнялись, и Кудеяров спросил:

– У тебя все нормально?

– Более чем, – ответил участковый, – ну а здесь сам знаешь что.

Это услышал Егоров и добавил:

– Но мы работаем не покладая рук, как говорится. Я здесь, кстати, по собственной инициативе, хотя мне сейчас вроде как отдых после дежурства положен.

– Вы в составе группы, которая уже приступила к работе в городе.

– А я вот здесь... Вы позволите доложить о первых результатах?

Но Кудеяров показал рукой, что пока не надо. Он шагнул к хозяйке:

– Мои соболезнования. Помощь какая-нибудь требуется?

Лиза пожала плечами и произнесла негромко:

– Постарайтесь найти того, кто его убил.

– Постараемся, – пообещал Павел.

– И еще у меня вопрос, – продолжила девушка, – мне сегодня уже позвонили из похоронной конторы и предложили свои услуги.

– Вероятно, информация из морга прошла, – поспешил объяснить Егоров.

– Так откуда они мой личный телефон узнали?

– Мне-то откуда знать? – развел в стороны руки следователь. – Сутки напролет, включая всю ночь, дежурным по городу стоял.

Кудеяров посмотрел на него внимательно, а потом обернулся к хозяйке:

– У вас есть что сообщить нам?

Лиза пожала плечами.

– Да я уже ответила на все вопросы. Хотя у меня сейчас голова кругом: такое ощущение, что не со мной это все происходит, а с кем-то другим.

– Кто вас сейчас на работе подменяет? – спросил Францев.

– Один водитель вызвал свою жену: мы вообще собирались ее брать на постоянную работу, а я хотела в бухгалтерию перебраться, – девушка посмотрела на гостей, – а вы что, уже закончили со мной?

Егоров протянул ей визитку.

– Если что-то вспомните, тотчас звоните. Я там помимо служебного номера указал свой мобильный телефон.

Вышли на дорогу, и Павел спросил:

– Что-то существенное удалось узнать? Сожительница сообщила что-нибудь?

– Она не сожительница, – поправил друга Францев, – она невеста: они заявление подали, и в мае должна была состояться свадьба.

– М-да, – вздохнул Егоров, – человек, как говорится, предполагает, а Бог...

– Да при чем тут Бог! – не выдержал Николай. – Какой-то гад по неизвестной пока нам причине убил неплохого мужика. И наша задача – найти этого гада и взять.

– Да-да, – подтвердил следователь, – и кое-что уже сделано в этом направлении. После опроса свидетелей, хорошо знавших убитого, я пришел к выводу, что убийство Дробышева связано с его коммерческой деятельностью. У меня на этот счет две версии. Первая: убийство совершил или нанял киллера деловой партнер Эдуарда Ивановича, некий Александр Сорокин. Наша задача сейчас проверить его алиби, если у него оно есть, разумеется. Проверить распечатку его разговоров по мобильному, эсэмэски и все прочее. Надо узнать, где он находился – сам или его автомобиль... У Дробышева нет наследников, и все акции его предприятия теперь принадлежат или скоро будут принадлежать этому человеку.

– Санек? – удивился Францев. – Да нет! Кто угодно, но только не он.

Николай посмотрел на Кудеярова:

– Паша, а ты как считаешь?

– Так же, как и ты: Саша Сорокин не убийца, он и комара пристукнуть не может. Он после тяжелой контузии в себя прийти не мог, как дите был: его любой мог позвать на помощь, огород вскопать или десять кубов дров нарубить, а потом не заплатить, просто поблагодарить и дать конфетку. Алена замуж за него пошла и выходила – в себя немного пришел, потом с божьей помощью они «Газель» купили. Но заказов на переезды здесь, в Ветрогорске, не так уж и много, да еще конкуренция. Но Саша познакомился с Дробышевым, которого все Эдиком звали, потому что и он такой же – как ребенок доверчивый, правда, с деловой хваткой.

– Зачем вы мне все это рассказываете? – не понял Егоров. – Достаточно было просто сказать, что не он.

– А чтобы до тебя, подполковник, быстрее дошло, – сказал Кудеяров. – Эдик первый раз женился в тридцать три года. С женой ему, прямо скажем, не повезло, но он терпел двенадцать лет. Она ушла к человеку, который непонятно как стал деловым партнером Дробышева, не внося в уставной капитал ни копейки. Потом бывшая жена с ее новым мужем отобрали у Дробышева все, кроме дома, дорогого, правда, но содержание которого тоже стоит немалых денег. Но его Ларочке нужна была культура; ночные клубы, рестораны, а здесь такого нет. Эдик мечтал о семье, готов был влюбиться в первую, кто на него посмотрит. Аля Черноудова пользовалась этим, а он верил, что когда-нибудь они будут вместе. Но ее убили. Так он неделю рыдал. Теперь вот встретил Лизу, которая переехала к нему, и он готов был пахать двадцать пять часов в сутки, чтобы только у нее все было хорошо...

Кудеяров обернулся и посмотрел на участкового:

– Ведь так?

– Абсолютно, – подтвердил Францев, – я даже удивлен, как ты столько про Дробышева узнал. Интересно, кто тебе все это рассказал? Но я бы добавил про Сашу Сорокина. Он – молчун, многие считают, что он вообще говорить не умеет. Если нужно время спросить, то он показывает на левое запястье и головой кивает. А вот если спросить его, например, сколько весит кабинетный рояль «Беккер», он ответит не задумываясь: «Триста килограммов», потом скажет, что салонный рояль потяжелее на тридцать кило, а вот концертный до тонны тянет. Он все эти предметы на себе перетаскал. В нашем Доме культуры до сих пор помнят, как привезли рояль, и грузчики решали, как им всей толпой удобнее его на третий этаж до музыкального кабинета дотащить. А Сорокин подсел под инструмент, попросил, чтобы рояль ремнями закрепили, привстал и пошел вверх по лестнице. Дотащил, только потом весь мокрый был от пота.

– Я понял, – поспешил заверить следователь, недовольный тем, что ему втолковывает что-то местный участковый.

– Мы тебе это к тому говорим, – продолжил Кудеяров, – что ты сначала узнай о человеке все, что возможно, а потом выводы делай. Сорокина прежде могли подбить на какое-то

неприглядное дело. Как-то двое ухарей сказали ему, что надо местного предпринимателя ум-разуму поучить, потому что он плохие дела творит. И Саша пошел с ними. Правда, потом, когда двое уже лежали с телесными повреждениями, Санек держался, но и он упал. Потом, когда Алена ему выговаривала, он плакал от стыда и сам пошел к тому предпринимателю прощения просить. А тот обнял его и по голове погладил. Тогда Сашок и вовсе зарыдал. Так что не мог он убить.

– Что это у вас за бизнесмен такой, что троих, включая богатыря Сорокина, уложил?

– Да это Уманский, – объяснил Францев, – теперь он глава местной администрации.

– Какой-то странный у вас городок, – удивился Егоров.

– Обычный городок, – пожал плечами Николай, – у нас вся Россия такая: сначала подерутся, потом обнимутся и пойдут вместе пиво пить, или что-то другое. Ты, Борис Ильич, давай другую твою версию. Ты же сказал, что у тебя их две.

– Вторая, – произнес подполковник юстиции таким тоном, каким говорят со сцены конферансье, – это конкуренты. Рынок грузоперевозок в нашем городе давно поделен, и не секрет, что в свое время рынок подмяли под себя криминальные группировки. Сейчас, разумеется, не те времена, но все-таки... Кстати, конкурентами его являлась и та самая компания, которая ему же и принадлежала еще совсем недавно, но отошла его бывшей жене и ее любовнику. Вполне вероятно, что у Дробышева были более доверительные отношения с руководством фирмы, которой они предоставляли транспортные услуги, и он, используя это, отжал у них бизнес.

– Так и было, – подтвердил Кудеяров, – то есть почти так. Бывшая фирма не справлялась, и потом там у них произошли внутренние разногласия. Лариса поняла, что жить стало хуже и не так весело. Ей катастрофически не хватало средств... А новый муж объяснял, что время нынче тяжелое – тяжелое для всех: обороты падают, водители требуют повышения зарплаты, а цены на бензин растут как на дрожжах. Тогда бывшая Дробышева переговорила с главным бухгалтером, пообещала повышение оклада, и та призналась, что новый генеральный директор вытаскивает со счета все, что можно вытащить, причем не делится с главбухом. А потом, как женщина женщине, сообщила, что у директора есть молодая любовница. Что последовало за этим, в подробностях описывать не буду, скажу только, что все кончилось новым разводом, новым разделом имущества... Теперь у Ларисы парикмахерский салон... Она даже подумывала о том, чтобы вернуться к брошенному первому мужу, несколько раз звонила ему, но выяснилось, что у него теперь другая. Лариса не оставляла надежды, но тут произошло убийство. Я встретился с ней и поговорил. Вот почему мне кое-что известно. Особого сожаления Лариса не испытывает, но находится в растерянности, потому что рухнули ее планы. Теперь она хочет встретиться с адвокатом на предмет наследования. Уверена, что сможет добиться своего, потому что в тот проданный Эдуардом Ивановичем особняк вложены и ее средства тоже.

– То есть Елизавету Петровну Романову отсюда выселят? – удивился Францев.

– *Dura lex, sed lex*, – продемонстрировал свою образованность следователь и быстро посмотрел на московское начальство, проверяя его реакцию. Затем перевел взгляд для участкового: – Закон суров, но это закон. Это по-латыни.

– Не совсем так, – произнес Павел. – Дело в том, что домик Дробышев подарил Лизе. Она вам разве не сказала? Дом он подарил, а земля осталась в его собственности. Для чего он это сделал, непонятно: хотел, вероятно, доказать свою любовь. Что бы ни было причиной такого поступка, без любви тут точно не обошлось. Да и бывшей жене он решил подсуропить. Теперь Лариса ни в каком случае не может претендовать на дом и на участок земли, к которому не имеет никакого отношения.

– Сейчас такие адвокаты, – напомнил Егоров, – смогут договориться с чертом, не говоря уже о судьбе.

– Я бы не утверждал так категорично обо всех адвокатах. Но в этом случае придется договариваться разве что с чертом, потому что Лариса при разводе сама подписала бумагу, что

материальных и каких-либо иных претензий к гражданину Дробышеву Эдуарду Ивановичу не имеет.

– То есть мотив у бывшей жены отсутствует? – удивился следователь.

– Присутствует, но до тех пор, пока она не встретится с порядочным адвокатом, который сразу скажет ей об отсутствии всяких перспектив. А насколько я понял, своего адвоката у нее нет, и ей еще придется узнать горькую для себя правду. Но вряд ли бывшая жена Дробышева как-то связана с убийством: у нее повода нет, она вообще считала, что обдурила Дробышева при разводе, надеялась на счастливую жизнь с молодым мужем, а тот мажором оказался. Лариса пригрозила молодому мужу, что собирается подать на развод. Просто пригрозила, надеясь, что тот упадет ей в ноги и, рыдая, начнет просить прощения и умолять сохранить семью, а тот просто послал ее. Она не организатор убийства. Она симпатичная и добрая блондинка, вот только глупая. Настолько, что открыла мне истинную причину развода с Дробышевым: как оказалось, бывший муж все время на работе был, а ей хотелось ласки хотя бы два раза в день. Она даже у меня спросила, что ей теперь делать, дескать, хотела вернуться к Эдику, а его убили.

– И что вы ей посоветовали? – поинтересовался Егоров.

– Сказал как католический священник: молись и трудись.

– Да, есть такое латинское изречение, – закивал следователь, – я сейчас не помню, как оно звучит в оригинале...

– Ора эт лабора, – подсказал Францев. И, увидев, как на него смотрят оба его спутника, объяснил: – Когда-то тренер по борьбе говорил нам, мальчишкам: «Хотите сойти за умных, учите латинские выражения». И мы всей секцией начали зубрить: си вис пасем пара беллум, виваре милитаре ест, ин вино веритас, ин аква санитас⁵. У каждого была книжонка с латинскими афоризмами. Я до сих пор помню пару сотен ненужных мне фраз. Но это мне несколько не пригодились...

Николай посмотрел на часы и предложил:

– Может, ко мне заглянем, пообедаем? Как раз самое время. Я только жену предупрежу. Но Кудеяров отказался, а следом отказался и подполковник юстиции.

– На самом деле я уже заказал столик на троих в местном ресторанчике, – объяснил свой отказ Павел.

А Егоров сказал, что за обедом они будут говорить о деле, и не хотелось бы, чтобы посторонние слышали.

Францев хотел напомнить подполковнику юстиции, что в его доме, в отличие от ресторана, посторонних людей нет, но не стал ничего говорить. Только рукой махнул.

– Вот и отлично, что и ты с нами, – обрадовался Павел, хотя наверняка знал, что Францев не откажется, – тогда я звоню Варваре, предупрежу ее, что мы через пять минут подъедем.

Через пять минут подъехать не удалось, потому что перед тем, как сесть в машину, Егоров взял под локоть московское начальство, отвел в сторону и минут семь убеждал в чем-то Кудеярова. Павел слушал, кивал, что-то отвечал. Но до Николая донеслось только: «Если эта Лиза теперь собственница дома, то вот вам и мотив... Теперь она – первая подозреваемая». Потом Павел, не выдержав, шагнул в сторону, произнес: «Будет время, будут и песни».

⁵ Хочешь мира, готовься к войне, жизнь есть борьба, истина в вине, а здоровье в воде.

Глава шестая

Зал был почти пуст, и немногочисленные посетители поглощали свои порции с такой скоростью, словно участвовали в соревновании, кто из них быстрее рассчитается и добежит до своего дома.

Кудеяров направился в угол зала. Столик там был подготовлен к их визиту и сервирован на троих. Помимо тарелок и приборов на столе стояли стаканы, бокалы для вина и рюмочки для крепких напитков. Рядом у стены помещался диванчик, на который Францев положил свою куртку.

– Это чтобы не отпугивать посетителей. А то придут, увидят в гардеробе мою форменную куртку и не зайдут, – объяснил свои действия участковый.

Павел и следователь тоже решили оставить свою верхнюю одежду на этом диванчике.

Сели за стол, подполковник юстиции Егоров сразу покрутил головой по сторонам, а потом оценил интерьер зала.

– Неплохо тут все оборудовано. Никогда бы не подумал, что в таком затрапезном городишке могут быть такие заведения. Как тут цены? Дорого небось?

– Вполне демократичные цены, – ответил Кудеяров, – к тому же у нашего друга, – и он показал на Францева, – тут значительная скидка.

Павел пошутил, конечно, но Николай кивнул, подтверждая.

– Я бы все-таки проверил получше эту сожительницу Дробышева, – вернулся к разговору о деле Егоров. – Уж как-то подозрительно быстро она с ним сошлась. Утром пришла к нему на работу устраиваться, а вечером поехала к нему домой. Очень уж внезапно любовь нагрянула. Может, у нее с самого начала были далеко идущие планы?

– Открою тебе одну великую тайну, – негромко произнес Францев, – когда мужчина знакомится с женщиной и они нравятся друг другу, то в голове каждого из них рождаются далеко идущие планы.

– Не знаю, но мне она кажется подозрительной. И фамилия у нее... Как будто специально выдуманная: Елизавета Петровна Романова.

– Нормальная фамилия, – сказал Павел, – вот у меня вообще бандитская. Как в песне поется: жили двенадцать разбойников, был Кудеяр атаман... А тут Романова.

– У бывшего владельца этого заведения фамилия была тоже Романов, – напомнил Николай, – ему все точки общепита здесь, в Ветрогорске, принадлежали. Или почти все. И у них названия похожие: «Мама Рома», «Романсеро», «Ромовая баба», рюмочная «Ромашка». А этот ресторан поначалу называли «Ромул», но народ сразу окрестил его «Вертолет», потому что, как ты можешь заметить, под потолком расположен большой вентилятор: летом он охлаждает воздух, да и комары его боятся. И название поменяли на то, что выбрал сам народ. Вот такая у нас тут демократия. Ведь так?

Последнее уже относилось к подошедшей к столу светловолосой женщине лет сорока пяти.

– Полностью согласна, – улыбнулась женщина. – Я, правда, не слышала, о чем вы говорили.

– Вот наш гость из городского следственного комитета восхищается нашим городом – объяснил Францев, – а я сказал, что когда он попробует то, чем вы, Варвара Семеновна, будете нас сегодня потчевать, то вообще уезжать не захочет.

Николай обернулся к Егорову и представил даму:

– Это Варвара Семеновна Краснова, или, как ее называет весь город, – Варвара Краса. Она хозяйка ресторана. Наверняка она приготовила для нас сегодня что-то очень вкусное.

– Да у нас сегодня все очень просто, а вот если бы вы заранее предупредили, мы бы постарались приготовить вам что-нибудь эдакое. А так только греческий салат, рыбная солянка, котлетки по-киевски...

– Рыбная солянка? – встрепенулся Егоров. – А как вы ее готовите? Я почему интересуюсь, потому что сам рыбак. А у каждого рыбака на это блюдо есть свой рецепт.

– Очень простой у нас рецепт, – начала объяснять Краснова. – Туда входит два вида рыбы: семга и судачок, еще рачьи хвосты, мидии, картошечка, морковка, лучок, зелень, оливки, томатная паста, соленые огурчики. А перед подачей на стол в каждое блюдо по желанию можно положить кругляшок лимона.

Варвара замолчала и посмотрела на Францева.

– Вы ведь не случайно сегодня сюда заглянули? – поинтересовалась Краснова. – Это как-то связано с тем вчерашним случаем... Мне Алена уже рассказала, что вчера в городе случилось с мужиком из коттеджного поселка.

Глаза Егорова округлись.

– Что? – едва вымолвил он. – Это мог знать только убийца или человек, связанный с ним: даже в утренние сводки это убийство не попало. Что за Алена? Где она сейчас? Мне ее срочно допросить надо! Ничего себе – какая удача!

Краснова посмотрела на Павла, ожидая от него решения.

– Ладно, – произнес он, поднимаясь, – я сам с ней поговорю, – а ты, Борис Ильич, скушай что-нибудь.

Но подполковник юстиции рвался в бой. Он тоже начал подниматься.

– Я должен допросить такого важного свидетеля, и потом, а вдруг это не свидетель, вдруг...

Но Францев потянул его за рукав и усадил обратно на стул.

– Садись! Алена говорить с тобой все равно не будет. И со мной, наверное, тоже. А Павлу Сергеевичу выложит все, что знает.

Николай посмотрел на Краснову.

– Варвара, как называются закуски, которые подают перед основными блюдами?

– Закуски и называются.

– Нет, есть какое-то специальное слово. Мне Лена говорила, но я не запомнил.

– Аппетайзеры, – подсказала подошедшая официантка.

– Точно! – обрадовался Францев. – Вы пирожки с лисичками по рецепту моей жены делаете?

Краснова кивнула.

– Ну тогда прикажи, чтобы принесли тарелочку с пирожками. И нам с товарищем по рюмочке «Биттера».

– Чего? – не понял Егоров. – Вы что, издеваетесь надо мной? Словечки у вас...

– «Биттер» – горькая настойка, которую пьют перед едой для возбуждения аппетита, – произнес Кудеяров, поднимаясь, – пойду поговорю с Аленой.

Павел подошел к барной стойке, где его уже поджидала буфетчица.

– Тебе Санек позвонил и все рассказал? – спросил он.

– Позвонил, сказал только, что Эдика убили. И все: вы же сами знаете, что из него слова и клещами не вытащить. Я уж сама позвонила диспетчеру, думала, что там Лиза, а ответила жена одного водителя, она и рассказала что знала. С утра в офис приехали полицейские и начали всех опрашивать... Но никто ничего не знал, разумеется.

– А на самом деле?

– Я тоже не знаю. Но Санек сказал как-то, что приезжали какие-то люди и с Эдиком вопросы решали. И он слышал, что ему угрожали. Мой-то предложил, если надо, Эдика охранять, но Дробышев сказал, что не надо.

– Когда приходили эти люди?

Алена пожала плечами, но тут же сказала, что, может быть, месяца два назад.

– Лиза уже работала в фирме?

– Не помню, то есть я даже не знаю. Вы ведь мужа моего знаете, он молчит всегда... сказал как-то, что теперь у них работает девушка Дробышева. Я с вопросами: что за девушка, как выглядит, интересно ведь, одну его любимую убили, а тут новая. Конечно, хотелось все разузнать, а он повернулся и пошел куда-то, будто я не к нему обращаюсь.

– Ну что-то ты про нее знаешь?

– Ничего, – дернула плечом буфетчица, – видела Эдика с ней. К нам в ресторан они приходили раза два, в магазине их встречала как-то. На вид она скромная вроде, хорошо одета. Но это Эдик о ней заботился... Саша сказал, что она к ним вообще в кроссовках пришла, а ведь уже зима была, а она холодная в этом году.

– Так, выходит, муж все-таки что-то рассказывал по нее. Кроме кроссовок, что еще вспоминал?

– А что он мог вспомнить? Саша в офисе появлялся в лучшем случае раз в день, да и то в самом конце, чтобы наличку в бухгалтерию сдать. Но наличными сейчас мало кто рассчитывается. Он может и не заезжать, если в офисе никаких других дел нет.

– А бензин как он оплачивал?

– Эдик всем водителям дает талоны на бензин. В понедельник с утра он проверяет пройденный за неделю километраж... То есть проверял.

– Саша не говорил, кто теперь будет вместо Дробышева фирмой руководить?

– Не говорил, но и без него все знают. Лиза будет директором, потому что сейчас она заместитель генерального. Мне-то все равно: она мне ничего плохого не сделала, и Сашке моему тоже... Пусть, лишь бы фирма не развалилась.

– Лиза говорила, что она сидела на приеме заказов и собиралась перейти в бухгалтерию.

– Не знаю, куда она хотела. Заказы принимала – это правда, но командует теперь как второй директор.

– Много твой Саша сейчас зарабатывает?

Сорокина задумалась, очевидно боясь сказать правду, но потом нашла выход:

– Нам хватает. Раза в три больше, чем раньше. Теперь можно даже дочке учебу в колледже оплачивать. Она ведь школу окончит в этом году. Учиться в школе дальше не собирается, да и нам это не надо, а теперь она говорит, что хочет стать дизайнером одежды. Поступить туда на бюджет не получится у нее, а на платное берут всех. Ну чего уж – пусть идет на платное, сейчас мы с Сашей потянем.

Кудеяров вернулся за стол, за которым уже не было Францева. Зато стояло блюдо с пирожками и пустые ликерные рюмочки.

– Участковому позвонили и вызвали, – объяснил следователь, дожевывая пирожок с лисичками. – На местном рынке кто-то с кем-то что-то не поделил. Николай побежал туда, сказал, что он в городке не только страж порядка, но и третейский судья: решает – кто прав, а кто виноват.

– Правильно считает.

Подошла официантка с подносом, начала выставлять заказанные блюда.

– Вы, Павел Сергеевич, не обижайтесь, конечно, – продолжил Егоров. – Участковый ваш приятель, можно сказать, даже друг. И он, пользуясь этим, все время ставит меня в неловкую ситуацию: то с латинскими афоризмами, то с этими аперитивами и ликерами. А я ж не просто так здесь, я на работе. Мне сорок четыре года, но я в хорошей физической форме. Еще когда

учился в Академии прокуратуры, все преподаватели отмечали мои способности к интерпретации, а также умение оперативно применять новую информацию к ситуации. У меня самая лучшая отчетность в нашем отделе. Сейчас я исполняющий обязанности заместителя начальника отдела. Временно исполняющий, но я и эту должность давно уже перерос... Я бы мог столько пользы принести...

– погоди, Борис Ильич, – не дал ему договорить Кудеяров, – я не понял, чего ты все-таки хочешь сейчас от меня: или на Колю Францева с жалобой подкатил, или о своей пользе поговорить решил... Если просишь моего содействия в продвижении по службе, то я никак помочь не могу. Я тебя не знаю пока. А сам я начинал в этом городке участковым, причем сюда меня отправил мой дядя – генерал МВД, которого мне припоминают часто, будто он помог в карьере. Но он меня не взял к себе в управление, а отправил в Ветрогорск, чтобы я с самых низов начал, на земле поработал. Здесь я и пулю поймал, и двойное убийство в одиночку раскрыл, когда тут большая группа специалистов пахала. После чего меня перетащили в следственный комитет. Дядя, кстати, был против моего перехода... Я – молодой лейтенантик – передавал дела пришедшему меня сменить списанному из оперов майору Францеву – здоровяку с потухшим взором, лишенному всяких перспектив... Сейчас посмотри на него – светится весь...

– Да я просто... – начал объяснять Егоров, – за дело болею. Не понял только: мы вроде все расследованием занимаемся, убийцу хотим вычислить, а у вас методы, мне непривычные... Вместо того чтобы опрашивать возможных свидетелей, мы сейчас в ресторане. Получается как во французском кино – детективы сидят в кафе... в смысле в бистро, разговаривают, а потом раз-раз – и все уже ясно.

– Начнем с того, что никто нас не уполномочивал заниматься расследованием убийства Дробышева, которое, кстати, произошло на другой территории, и здесь вряд ли можно найти свидетелей. И друг мой Коля просто помогает нам. Он, так же как и я, даже лучше меня, знает городок и почти всех в нем живущих, в курсе, кто на что способен... И теперь оба мы убеждены, что никто из жителей к убийству Дробышева не причастен.

– Я согласен с вашими выводами, – поспешил заверить начальство Егоров, – могу сказать, что я думал об этом с самого начала, как только пришло сообщение об убийстве предпринимателя Дробышева. То есть не с самого начала, а с тех пор, как я начал анализировать, а как только прибыл сюда, мое предположение превратилось в уверенность... Я увидел местного участкового, который проводит большую, просто огромную профилактическую работу, пользуется уважением у местного населения...

– Находясь на посту участкового, он раскрыл три особо опасных преступления, – напомнил Кудеяров, – не считая множества мелких, а предотвратил еще большее количество. На этом заканчиваем разговор. Мой совет вам, подполковник юстиции Егоров: назначение вас на новую должность в компетенции только вашего руководства, которое лучше меня знает ваши возможности и представляет, где их можно лучше всего применить. Не сомневаюсь, что раскрытие особо тяжкого преступления окажет влияние на принятое вашим руководством решение.

– А сейчас что мне делать?

– Заниматься расследованием убийства Дробышева: опыт у тебя большой, и ты и без меня знаешь свои действия. От меня только один совет: свяжись с участковым по месту регистрации и проживания Елизаветы Романовой. Узнай, как ее соседи характеризуют и вообще, что у нее за окружение, с кем она общается, встречается, как ведет себя в быту. То есть вела, потому что последние месяцы она, как я понимаю, проживает здесь.

– Обязательно свяжусь. А вообще спасибо вам.

– За что?

– За совет, за справедливый выговор.

– Какой еще выговор? Выговор в учетную карточку заносят. А я просто побеседовал по старой дружбе. Мы с тобой уже пять лет знакомы, забыл разве? Я еще тогда был начальником районного управления.

– Как я мог забыть! Помню, конечно. Мы общались с вами, когда предпринимателя Лушников вымогатели незаконно удерживали на чужой даче, я приезжал к вам...

– Тогда-то мы на «ты» были, – напомнил Павел, – что же ты теперь так подобострастно? Я же такой же, как и прежде... И давай-ка закончим сейчас о делах, – Кудеяров показал на супницу с рыбной солянкой и на салаты, – оценим местную кухню.

В ресторан вернулся Францев, быстро подошел к столу, снял куртку и уложил ее на диванчик.

– Что там случилось на рынке? – обратился к нему Кудеяров.

– Да ничего особенного – обычное дело. Один гражданин привез на рынок домашние консервы из утиного мяса. Начал продавать по пятьсот рублей за банку. И тут увидел, что местная дама продает такой же товар по триста пятьдесят рубликов. Начал громко возмущаться, мол, это публичный демпинг. Конкуренстка неправильно поняла слово «демпинг», а может, обиделась на «публичный», после чего мужик огреб по полной, вернее мог огрести, если бы я вовремя не подоспел, а так еле удержали даму.

– Марина Незамерзайка, – догадался Кудеяров. – Она же Марина Гогольфиндер – с ней, конечно, лучше не связываться.

– А емкость какая у консервов? – заинтересовался подполковник юстиции.

– Обычная стеклянная банка, – ответил Николай, – восемьсот граммов.

– Тогда это действительно очень недорого, – удивился Егоров.

– Потому что у Незамерзайки консервы местного производства. У нас тут охотник один, может, и браконьер – я не знаю, но этих уток столько по осени стреляет! А его жена в автоклаве утиное мясо в банках как консервный завод штампует.

– Если браконьер, почему его не берут? Неужели никто не жаловался?

– Кто жаловаться будет, – не понял участковый, – утки?

И засмеялся.

В кармане следователя писклявой мелодией напомнил о себе мобильный аппарат.

Егоров достал его, проверил, кто его вызывает, скривился, но все-таки ответил на вызов. Выслушал, что ему говорят, и устало произнес:

– Я помню, конечно, что мероприятие плановое, но я после дежурства, и потом я сейчас на выезде. Поговорил с людьми, и уже есть кое-какие результаты. Я здесь оказываю помощь полковнику Кудеярову... Понял, постараюсь не опоздать.

Подполковник юстиции растерянно посмотрел на Павла и прошептал с тоскливой обреченностью:

– Вызывают срочно.

– Ну да, – вспомнил Кудеяров, – ты же из второго управления, и у вас сегодня совещание, которое проводит руководитель городского следкома. Пропускать нельзя. Опаздывать нельзя: так что возьми в дорогу пирожков и лети.

Они смотрели в спину Егорова, словно дожидались, когда следователь выйдет из зала, а потом Францев спросил:

– Ты чего приехал-то?

– А ты чего не звонишь?

– Чтобы не отвлекать тебя от важных дел. Ты человек занятой, потом у тебя теперь Нина...

– Вот потому-то и приехал. Мы с ней пожениться решили. Но не в Москве, а здесь, потому что здесь все мои родственники, мама ее тоже отсюда, здесь друзья – мои и теперь ее. И ты бы с Леной в Москву не поехал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.